

К БИОГРАФИИ ЛОПАТИНА

(по неизвестным архивным документам)

Сообщение Л. С. Пустильник *

Личность Лопатина интересовала Горького. В 1901 г. в Крыму Л. Н. Толстой говорил с ним об «известном революционере», т. е. Германе Лопатине¹. В 1906 г. в XII и XIV сб. «Знания» были напечатаны воспоминания товарищей Лопатина по заключению М. В. Новорусского («В Шлиссельбурге») и В. Н. Фигнер («Моя няня»). Когда же в начале 1907 г. в гостеприимный дом Горького на Капри приехали В. Н. Фигнер и М. Ф. Фроленко, там не могло не звучать имя Лопатина. Ведь незадолго до этого Горький и сам был узником Петропавловской крепости, а его камера в Трубецком бастионе находилась неподалеку от камеры Лопатина, в которой он содержался перед переводом в Шлиссельбург.

После манифеста 17 октября 1905 г. 21 октября того же года был издан именной высочайший указ, по которому Лопатин и другие заключенные Шлиссельбургской крепости были переведены в разряд ссыльнопоселенцев. 8 ноября 1905 г. Лопатин узнал о своем освобождении, которое назвал «Воскрешением Лазаря». Именно такую надпись — «От Воскрешшего Лазаря» — сделал он на фотографии, подаренной Ф. Фидлеру².

Бывшим заключенным Шлиссельбурга надлежало отбыть четыре года в Сибирь. В связи с тем что в тот момент невозможно было отправить их по этапу, Лопатин был выпущен на поруки по месту жительства его брата Всеволода³ в г. Вильно под строжайший полицейский надзор. 3 февраля 1906 г. Департамент полиции предписал начальнику Виленского губернского жандармского управления: «Освобожденные в силу высочайшего указа 21 октября 1905 г. из Шлиссельбургской тюрьмы ссыльнопоселенцы — государственные преступники Лопатин и Иосиф Лукашевич, за невозможностью отправления их в Сибирь, водворены на попечение их родственников, первый в г. Вильне, а второй в имении Быковке Виленского уезда, где за каждым из них установлен специальный надзор в лице двух особо нанятых для сего полицейских надзирателей. В настоящее время, согласно распоряжению г-на Министра внутренних дел, вышеупомянутый специальный надзор за названными лицами отменен с подчинением Лопатина и Лукашевича, взамен сего, надзору общей полиции. Вследствие сего и ввиду выдающегося преступного прошлого упомянутых лиц ДП просит Ваше Высокоблагородие установить за Лопатиным и Лукашевичем независимого учрежденного за ними надзора общей полиции, негласное наблюдение со стороны жандармских чинов»⁴.

В мае 1906 г. шлиссельбуржцам было разрешено отбыть четыре года поселения не в Сибирь, а там, «где каждый из них окажется»; при этом разрешались перемещения, разумеется, по уважительным причинам и с разрешения властей. Это позволило Лопатину после хлопот сестры выехать к ней 6 сентября 1906 г. в Одессу для лечения⁵.

В письме к Н. Ф. Русановой⁶ из Одессы от 28 сентября 1906 г. Лопатин сообщал: «(...) я уже в Одессе, где думаю пробыть не менее как до октября. Возвратиться в Вильно намерен через Тифлис, где тоже остановлюсь на некоторое время — пожить с тамошними моими сестрами. Когда именно я вернусь в Вильно⁷, сказать пока не могу: думаю, что не позже рождества или нового года, а то и раньше». Лопатин добавляет далее, что «пишет контрабандным путем», и, очевидно, поэтому не указывает обратного адреса, тем более что из Одессы он поехал в Тифлис тайно, ведь за ним пристально следили и там⁸.

* Часть материалов этого сообщения, подготовленного для настоящего тома, была включена Л. С. Пустильник в статью «Горький и Лопатин», напечатанную в журн. «Русская литература» (1986. № 4) (прим. ред.).

В октябре 1907 г. Лопатин приезжает в Петербург. В письме Лопатина к Н. А. Рубакину от 4 декабря 1907 г., отправленном из Петербурга, он сообщал: «...поглощен с головой хлопотами об отсрочке места пребывания в Петербурге, куда я отпущен лишь для совещания с врачами на самое короткое время, утекающее как вода»⁹.

В это время шли усиленные хлопоты о разрешении выехать за границу. Перспектива выезда из России тревожила Лопатина, ибо ему не хотелось стать эмигрантом. Но отъезд был, казалось, единственной возможностью избавиться от преследований. 16 мая 1908 г. он писал Короленко: «Вчера мне сообщили в Департаменте сердцеведения*, что мне разрешен выезд за границу <...> Это неожиданное сообщение вызвало в моей душе кучу тревожных размышлений, колебаний и т. п. Куда, когда и как выеду, еще не знаю: предстоит куча предварительных хлопот с паспортом и по части материальных средств, приготовлений, распоряжений, маршрута, билета и пр. и пр.»¹⁰ Лопатин должен был вот-вот получить заграничный паспорт, но петербургские власти предприняли очередную акцию против него. Он писал Короленко 9 июня 1908 г.: «За последнюю неделю, я пережил тут целую трагическую эпопею (меня вздумали „выставлять“ в 24 часа, да не за границу, а снова в „черту еврейской оседлости“, но рассказывать об этом некогда: занят по горло». В этом же письме он сообщал: «...уезжаю я не позже 30-го и не ранее 20-го. Думаю проехать в Ниццу, заглянув по дороге в Париж»¹¹. Более подробно он сообщал о том же Н. Ф. Русановой 2 июня 1908 г.: «...на меня свалилась <...> неожиданная беда: меня стали „выставлять“ отсюда в 24 часа, утверждая, что полиции ничего не известно о разрешении мне выезда за границу, и не давая мне срока для выяснения этого недоразумения. Двое суток я сопротивлялся и мотался по городу, как угорелый, по таким местам, как разные участки (вообразите себе — пришлось иметь бурное столкновение даже с *Вашим* частным приставом!), Канцелярия градоначальника, Департамент полиции, Охранное отделение и т. п. На Троицу и Духов день наступило перемирие. Я, кажется, выяснил всем, что все произошло из-за *недоразумения*, и мне, вероятно, позволят взять заграничный паспорт, а может быть, дадут отсрочку недели на три для устройства денежных дел. Но наверно ничего не знаю и, конечно, тревожусь и волнуюсь <...> Если поеду за границу, то, кажется, устроюсь так, чтобы ехать через Париж»¹².

Лопатин уехал из России 14/27 июля 1908 г.¹³

В открытке, отправленной из Ниццы 20 августа 1908 г., Лопатин писал Короленко: «Согласно обещанию, сообщаю Вам последний мой адрес. Живу здесь уже почти неделю; не знаю ни одной души и чувствую себя очень одиноко и нерадостно (для последнего есть и иные причины). Кажется, потерплю месяц, много два, а там удеру в Париж. Правда, там слишком уж много русского люда, но зато есть также русские журналы, газеты и книги по доступной цене...»¹⁴

В письме к Н. Ф. Русановой от 25 августа 1908 г. из Парижа говорится об Италии, куда он, видимо, переедет. И поскольку Русанова просила сообщить ей что-либо об этой стране, Лопатин отвечал, что Италии «он не знает» и у него там «нет ни одного знакомого». «Пока» он просит писать в Ниццу, до востребования»¹⁵.

Вскоре, в сентябре 1908 г., Лопатин приехал в Италию, в местечко Кави ди Лаванья.

7 октября 1908 г. Лопатин вновь делился с Короленко своими нерадостными мыслями: «<...>прежде тоска по родине никогда не позволяла мне остаться за границей целый год. Но теперь, когда я подумаю, что возвращение означает переход из положения свободного, взрослого человека на положение несовершеннолетнего и раба, то поневоле почесываешь в затылке при мысли о возвращении... Был я в Париже, потом в Лондоне, потом опять в Париже, затем прожил месяц в Ницце и, наконец, переселился сюда (т. е. в Кави ди Лаванья). Здесь настоящий земной рай. Но сию минуту получил приглашение в Париж по крайне неприятному делу. Бешусь, ругаюсь, но... поеду»¹⁶. Лопатин имел в виду приглашение, полученное им от ЦК партии эсеров, выступить вместе с Фигнер и Кропоткиным в роли третейского судьи между ЦК партии эсеров и главным обвинителем Азефа — Бурцевым.

* Так Лопатин называл Департамент полиции.

Г. А. ЛОПАТИН

Фотография с дарственной надписью: «Ф. Фидлеру от Воскресшего Лазаря. Герман Лопатин. 4(17) XI, 1913. СПб., Карповка, 17»

Публикуется по рукописи в Лексиконе

В Париже Лопатин попал в поле зрения заграничной агентуры. 2/15 октября 1908 г. в Особый отдел Департамента полиции были посланы копии его перлюстрированных писем к М. А. Натансону и В. Н. Фигнер от 5 октября 1908 г. из Кави. «И мне удалось в последнее время устроиться так хорошо,— писал Лопатин Фигнер,— что я почувствовал себя как бы в земном раю. Но тут-то и „потребовал поэта к священной жертве Аполлон“ — т. е. тут-то и позвали меня в Париж, чтоб им пусто было». В сопроводительной к письмам бумаге заведующего заграничной агентурой говорилось: «Заседания комиссии (т. е. третейского суда), на которую Лопатин прибыл немедленно... происходят настолько конспиративно, что кроме лиц, принимавших в ней участие и вызванных в качестве свидетелей, о ней неизвестно никому»¹⁷.

Еще раньше пребыванием Лопатина в Италии, в Кави ди Лаванья, заинтересовались итальянские власти. Имя Лопатина начало фигурировать в «Записках», «Справках», «Докладах» и «Донесениях»¹⁸.

В Особый отдел Департамента полиции поступила 10 сентября 1909 г. копия «Памятной записки Итальянского посольства» (в переводе на русский язык), в которой сообщалось: «Весной 1907 г. в Сестри ди Леванто появились некий Александр Амфитеатров с женой Иларией Амфитеатровой... Около 11 месяцев тому назад Амфитеатров переехал в Кави ди Лаванья <...> Как только он приехал в Кави ди Лаванья, там же поселились несколько русских подданных, находящихся в сношениях с ним. Он занят огромной перепиской, все письма на его имя приходят заказными. Амфитеатров ездил на некоторое время в Капри, где часто посещал Максима Горького. Среди русских подданных, окружающих Амфитеатрова в Кави ди Лаванья и находящихся в сношениях с другими русскими подданными, особенно указывают на следующих:

1. Захаров, 30 лет¹⁹.

2. Лопатин 60 лет, который будто бы был в России в заключении в течение 25 лет (его приметы уже сообщены Корольевским) посольством в конфиденциальнойnote от 26-го августа 1909 г. под № 9085»²⁰.

Эта записка была послана также заведующему заграничной агентурой 9 сентября 1909 г. с пояснением: «Что же касается Германа Александровича Лопатина, то это — известный народоволец, участвовавший в убийстве подполковника Судейкина»²¹. В июле²² 1908 г. ссыльнопоселенец гласно-поднадзорный Герман Александров Лопатин с разрешения Министерства внутренних дел выбыл за границу с паспортом, выданным С.-Петербургским градоначальником 3 июня 1908 года за № 7064»²³.

12 ноября 1909 г. в Особый отдел поступило сообщение: «...здесьнее Итальянское посольство не в состоянии сообщить более подробные сведения о русском подданном Захарове ввиду того, что последний выбыл из города Кави ди Лаванья. Названному посольству известно лишь, что указанный русский подданный, Борис Евгеньевич Захаров, 23 лет, родился в С.-Петербурге. Что же касается Германа Александрова Лопатина... 60 лет, признанного итальянскими властями опасным революционером, то последний находится еще в Кави ди Лаванья. В январе месяце текущего года Лопатин принимал участие в Париже, в квартире местного адвоката Пти (Péti), мужа русской революционерки, вместе с князем Кропоткиным и Верой Фигнер в суде над Азефом. Названный Лопатин проживает обыкновенно в доме Амфитеатрова.

Как над Лопатиным, так и над Захаровым учрежден усиленный надзор со стороны итальянской полиции»²⁴.

В сентябре 1909 г. в связи с «Памятной запиской Итальянского посольства» в Департаменте полиции была составлена Справка о Лопатине — характеристика его революционной деятельности с 1865 по 1889 г. до его заключения в Шлиссельбургскую крепость. Справка эта интересна и тем, что в ней упоминаются события, о которых рассказывал Лопатин во время его пребывания на Капри у Горького.

СПРАВКА

Лопатин, Герман Александров, родился в 1845 году, потомственный дворянин Нижегородской губернии, сын управляющего Ставропольской казенною палатою, окончил курс в Ставропольской гимназии и С.-Петербургском университете со званием кандидата (в 1866 г.).

В 1865 г. Лопатин состоял под следствием университетского начальства за возбуждение студентов к демонстрациям.

В мае 1866 г. он был арестован по делу Каракозова, содержался в крепости два месяца, затем был оправдан и освобожден от всякой ответственности.

В феврале 1868 года Лопатин был привлечен к следствию, проводившемуся в высочайше учрежденной Следственной комиссии по обвинению в намерении его вместе с дворянином Феликсом Волховским устроить тайное общество, цель которого состояла в развитии народа в известном направлении при помощи странствующих учителей из молодых людей²⁵.

По решению этой комиссии Лопатин был выслан в место жительства его родителей в г. Ставрополь под непосредственный надзор отца и строгое наблюдение местных властей, с предоставлением ему права поступить на государственную службу.

Вскоре после водворения в Ставрополе Лопатин был вновь арестован вследствие того, что по обыску у некоего Негрескула, обвиняемого по Нечаевскому делу, было найдено письмо Лопатина²⁶.

В январе 1870 года Лопатин бежал из Ставрополя и, прожив некоторое время в Петербурге под именем Владимира Скирмунта, уехал потом за границу, снабженный заграничным паспортом на имя другого лица.

С 1870 по начало 1879 г., проживая за границею, Лопатин несколько раз приезжал в Россию по подложным видам на жительство. В один из таких приездов, именно в 1870 г., он был арестован в Иркутске как лицо, заподозренное в намерении освободить Чернышевского²⁷, содержался некоторое время под стражею, но затем опять бежал за границу.

В половине марта 1879 г. он прибыл в Петербург, где и был арестован.

По высочайшему повелению 9 апреля 1880 года Лопатин был выслан на жительство в Ташкент с отдачею на поручительство зятю его Глинке-Янчевскому с денежною ответственностью в размере 10000 рублей²⁸.

По постановлению Особого совещания от 31 октября 1881 г., согласно ходатайству сожительницы Лопатина Зинаиды Апсеитовой²⁹, Лопатину было разрешено переехать в Вологодскую губернию под надзор полиции на три года, но вслед за этим Лопатин бежал.

В 1883 году Лопатин возбуждал ходатайство о разрешении ему возвратиться в Россию ввиду Манифеста 15 мая 1883 года³⁰, что и было признано возможным Особым совещанием, которое предполагало подчинить Лопатина надзору полиции в Вологодской губернии на 1 год 6 месяцев, считая со дня возвращения его в Россию.

6 октября 1884 года Лопатин был арестован в Петербурге на улице; он проживал в столице нелегально под именем английского подданного Норриса³¹.

При обыске у Лопатина были отобраны два разрывных метательных снаряда, наполненных динамитом, причем на одном из снарядов оттиснута надпись «техническо-динамитное отделение партии Народной воли»; 1½ ф<унта> динамита, ном<ером> 2; значительное количество преступных изданий, таблицы для разбора шифра; клише заголовков «Народная воля» и «Народная борьба», рукописи, переписка и заметки, касающиеся революционной деятельности; к числу их, между прочим, относились — писанный рукою Лопатина черновой проект прокламации об убийстве прокурора Московской судебной палаты Муравьева с припискою: «успех — приеду, неуспех — не могу»; корреспонденции и статьи, предназначенные к напечатанию в революционных органах; уставы и программы «молодой партии Народной воли», «Московской рабочей группы Народной воли», «общие начала организации и устав местной великороссийской группы», основанные на началах старой программы Исполнительного комитета, переписка по делам партии с Львом Тихомировым³², Абрамом Бахом³³ и другими преступными агитаторами; листки для сбора пожертвований и подложные виды на жительство.

Показаниями свидетелей было установлено, что Лопатин в 1884 году состоял одним из руководителей преступного сообщества, присвоившего себе наименование «Русской социально-революционной партии „Народной воли“»³⁴, образовав из себя, Саловой и Сухомлина группу, именовавшуюся «Центральною революционною организацией», «Распорядительною комиссиею» и «Делегациею Исполнительного комитета».

Дознанием было выяснено, что разрывные снаряды, отобранные у Лопатина, изготовлены в Луганске при участии Сергея Иванова, Гейера, Ешина, братьев Белоусовых и др., а затем перевезены в Ростов-на-Дону, где хранились у Генриетты Добрускиной³⁵.

Затем было установлено, что Лопатин принимал ближайшее участие в руководстве работами по печатанию № 10 журнала «Народная воля»³⁶ в тайных типографиях в Ростове-на-Дону, Дерпте, а затем и в распространении этого журнала, и что им было задумано убийство прокурора Московской судебной палаты Муравьева, которое и было поручено студенту Петровской Академии Петру Ковалеву³⁷.

Кроме того, из показания обвинявшегося в государственном преступлении Степана Росси³⁸ усматривалось, что Лопатин, зная о приготовлениях к убийству подполковника Судейкина, посещал конспиративную квартиру Раисы Кранцфельд³⁹, где обсуждался план убийства, и после совершения преступления являлся к Кранцфельд за отпечатанными в ее квартире по поводу сего убийства прокламациями.

По показанию Сергея Иванова, ему называли Лопатина в числе лиц, причастных к убийству Судейкина, и от Лопатина он, Иванов, впоследствии получил обстоятельные сведения об этом преступлении.

Свидетельскими же показаниями установлено посещение Лопатиным квартиры Кранцфельд за несколько дней до убийства Судейкина.

Лопатин, отвергая принадлежность свою как к Исполнительному комитету, так и вообще к организации партии, заявил, что, относясь сочувственно ко многим пунктам программы партии, он состоял в дружественных отношениях к выдаю-

щимся членам партии и оказывал им всякие услуги как личного, так и «политического» свойства.

К услугам сего рода относились: установления связей для прискания денежных средств, соби́рание сведений о некоторых лицах, заподозренных в измене партии и др. Бежав в 1883 году из Вологодской губернии, где он состоял под надзором полиции, за границу, он в половине марта 1884 года вернулся в Россию и поселился в Петербурге под именем Норриса. Летом 1884 года он ездил два раза в Ригу для получения транспорта нелегальных изданий, доставленных из заграницы Федершером.

Осенью же 1884 г. был в Дерпте, причем отвез содержателю тайной типографии Тереляеву статью для помещения в № 10 «Народной воли»⁴⁰. Тогда же по делам партии он посетил Одессу, Кременчуг, Полтаву, Ростов, Харьков и Москву. Относительно найденных у него метательных снарядов Лопатин объяснил, что получил таковые для хранения и передачи другому лицу. Вместе с тем он отверг свою виновность и в попустительстве убийства подполковника Судейкина.

Преданный суду С.-Петербургского Военно-окружного суда, Лопатин был признан виновным в принадлежности к тайному сообществу, присвоившему себе наименование «Русской социально-революционной партии „Народной воли“», причем для достижения преступных целей означенного сообщества Лопатин: 1) приняв в основание программу вышеуказанного сообщества партии «Народной воли», действовал в качестве организатора этой партии в 1884 году, образовав из себя и других группу, пребывавшую в 1884 году в Петербурге и именовавшуюся то Центральною революционною организациею, то Распорядительною комиссиею, то Делегациею Исполнительного комитета, направляя деятельность всех организационных революционных партий, учрежденных в различных пунктах Империи, имея постоянные сношения с заграничными революционерами — Тихомировым и другими, а также с представителями местных центральных групп других городов, направляя их действия путем прокламаций, письменных и личных сношений и для ближайшего ознакомления с делами партии и для установления связей с центром предпринимал поездки в Москву, Харьков, Киев, Ростов-на-Дону; 2) хранил у себя полученные от лиц, принадлежавших к названному сообществу, метательные заряженные динамитом снаряды, предназначавшиеся для преступных целей сообщества террористического свойства; 3) оказывал свое содействие к устройству тайных типографий в Дерпте и Ростове-на-Дону, в коих был отпечатан № 10 журнала «Народной воли», посылая для устройства типографий деньги, а также для напечатания в оных статьи собственного сочинения, и 4) для сокрытия своей принадлежности к партии предьявлял чужие подложные виды на жительство.

При этом суд признал Лопатина виновным в том, что он входил в сношения с лицами, задумавшими убить подполковника Судейкина, и не только знал о их намерениях, но в качестве организатора партии дал свое согласие на это преступление.

Приговором, объявленным 7-го июня 1887 г. и вошедшим в законную силу 15 июня 1887 г., Лопатин был присужден к смертной казни через повешение, но наказание это по высочайшему повелению заменено каторжными работами без срока с заключением его в Шлиссельбургскую тюрьму.

27 июля 1908 года ссыльнопоселенец, гласно-поднадзорный Герман Александров ЛОПАТИН с разрешения Министерства внутренних дел выбыл за границу с паспортом, выданным С.-Петербургским Градоначальником 3-го июня 1908 г. за № 7064.

Подполковник <подпись>

Сентября 1909 г.⁴¹

Справка о Лопатине того же содержания, но несколько расширенная — с датой 26 апреля 1911 г. — содержится в другом деле Департамента полиции. В этом же деле находится и справка об Амфитеатрове, в которой приводится копия открытого письма Амфитеатрова Шалипину (Г—А, между 28 и 31 янв. 1911 г., прим. 3) и вместе с тем сообщается о характерном эпизоде из его прошлого: Амфитеатров в февра-

ле 1904 г., «находясь в С.-Петербурге, подал всеподданнейшее прошение, в коем в сознании своей вины заявлял о своих верноподданнических чувствах и обращался к монаршему милосердию с ходатайством о даровании ему помилования и представлении тем возможности принести своею последующею деятельностью посильную пользу отечеству»⁴².

Власти все более усиливают надзор за Лопатиным, следя за его передвижениями по Италии. Приводим некоторые из донесений:

«Декабря 09

по 2-му Отделению

Секретно

Заведующему заграничной агентурой

По полученным из Министерства иностранных дел сведениям известный русский революционер Герман Александров ЛОПАТИН 6 сего декабря выехал из Италии в Париж (...)

Исп. обязанности Вице-директора Виссарионов

Зав. Отделом: «подпись»⁴³.

«Чиновник особых поручений

при Министре внутренних дел

Совершенно секретно

Его превосходительству

г-ну директору департамента

№ 768

Париж

30 декабря 1909 г.

12 января 1910 г.

Вследствие предписания от 20 сего декабря за № 14019 имею честь доложить Вашему превосходительству, что известный социалист-революционер Герман Александров ЛОПАТИН действительно находится в Париже, и, по слухам, именно ему будто бы Бурцевым доверено дальнейшее направление текущих дел по разным расследованиям.

Чиновник особых поручений

Красильников»⁴⁴.

В донесении из Парижа (6 декабря 1910 г.) значилось: «ЛОПАТИН — членом партии «социалистов-революционеров» не состоит и живет в Италии, в Cavi-di-Lavagna. Деятельность его заключается в приискании средств Бурцеву»⁴⁵.

К апрелю 1910 г. относится донесение об участии Горького и Лопатина в деятельности «Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России»⁴⁶:

«Чиновник особых поручений при Министре внутренних дел

Совершенно секретно

Его превосходительству г-ну директору Департамента полиции

Вследствие предписаний от 18 февраля и 6 марта с. г. за № 106497 и 107255 имею честь доложить вашему превосходительству, что образовавшийся в Париже еще в начале 1909 г.⁴⁷ (доклад от 8/21 января того же года — за № 18) по почину Лопатина и Веры Фигнер „Комитет помощи русским политическим заключенным, приговоренным к каторжным работам“ состоит из следующих лиц:

1. Председательницы Веры Фигнер
2. Лопатина
3. Г-жи Фундаминской-Бунаковой
4. Марии Гольдсмит
5. Тригопи
6. Аитова, секретаря и казначея⁴⁸.

Целью комитета является приискание средств для оказания материальной помощи всем, без различия партий и национальности, политическим заключенным, ссыльным и каторжанам⁴⁹.

Действительным членом этой группы может быть всякий, сочувствующий ее целям и желающий вносить не менее 25 франков в месяц; собранные суммы направляются к казначею комитета АИТОВУ. По слухам, Парижская группа успела собрать уже около 4500 франков.

Комитет группы не предполагает собирать очередных групповых собраний членов.

В январе сего года комитет выпустил прилагаемое при сем воззвание на французском языке⁵⁰, обращенное ко всем заграничным русским эмигрантским колониям с призывом содействовать целям Комитета и организовать в своей среде местные группы содействия и сбор денег⁵¹. Подобные группы уже организованы — в Лондоне — Волховским и в Италии — Максимом Горьким.

В. Фигнер недавно ездила в Льеж с целью организовать и там такую же группу и устроить рефераты, сбор с коих должен поступить в кассу комитета (доклад № 278).

Чиновник особых поручений (подпись)

№ 350.

Париж

5/18 апреля 1910 г.»

В одном из дел — шифрованные телеграммы и «совершенно секретное донесение» от октября того же года о связях Лопатина с русскими эмигрантами, о его передвижениях по Италии⁵².

Характерно также относящееся к 1911 г. дело «О русских революционерах, проживающих в Италии, в колонии Нерви», где прослеживаются встречи тех, кто связан с Горьким, Амфитеатовым и Лопатиным. Королевское посольство Италии, Министерство иностранных дел и Департамент полиции были обеспокоены все более активной деятельностью эмигрантов, «их перепиской, принявшей в последнее время большие размеры», особенно в свете возникших политических процессов в России⁵³.

В Особом отделе Департамента полиции было заведено также специальное дело, озаглавленное «Скалькированные письма к Г. А. Лопатину». Оно охватывает относительно небольшой период — с 11 марта по 12 декабря 1912 г. Но в нем хранится 215 листов, «скалькированных» с оригиналов писем многих корреспондентов Лопатина, среди которых Бурцев, Амфитеатров, Амфитеатрова и др. Кроме того, «кальк» снят и с нескольких писем самого Лопатина, отправленных им в Париж Бурцеву, Натансону, Е. Ю. Григоровичу.

В другом деле («О Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче») находится перлюстрированное письмо «к Лопатину за подписью Вера»⁵⁴ от 21 июня 1910 г., в котором автор письма изложила предложение их общего знакомого И. С. Дагарбодари⁵⁵ выхлопотать для Лопатина разрешение приехать на Кавказ: «Дагарбодари говорит, что в Россию сейчас тебя не пустят, но на Кавказ, с помощью наместника и опираясь на уважительные причины, можно добиться позволения приехать, а там, говорит Дагарбодари, пройдет немного времени, можно просить разрешения переехать в Россию. Одной из причин для разрешения приехать он думает выставить то, что ты хвораешь и тебе, как уроженцу Кавказа, полезен будет климат родной и что тут ты будешь не один, у тебя здесь близкие родные, а тебе, дескать, нужен уход и т. д. и т. д.

Я сказала Даг., что вряд ли согласишься, что тебе на Кавказе будет скучно, вдали от центра и вообще сюда тебя не тянет, но он так умолял меня написать, что я обещала сделать это поскорее, что и исполняю».

В связи с этим письмом заведующий Особым отделом поставил вопрос: «Имеет ли право Лопатин вернуться без разрешения Департамента полиции хотя бы на Кавказ?»⁵⁶ В результате обмена донесениями 27 июля 1910 г. в Особый отдел поступило разъяснение: «Герман Лопатин может без особого на то разрешения возвратиться в Россию и имеет право избрания места жительства, за исключением лишь столиц и столичных губерний, где ему воспрещено пребывание до 21 октября 1912 г.»⁵⁷

Несмотря на то что Лопатин получил паспорт в сентябре 1910 г. (см. ниже), он решил уехать в Россию только в 1913 г. Лопатин, конечно, догадывался, что власти следят за каждым его шагом. Он писал Русановой 12/25 января 1913 г. из Феодано: «Вот у Вас толкуют об амнистии 21 февраля⁵⁸. Положим, по закону, она мне не нужна. По закону, я и сейчас (с 21 октября) могу вернуться на родину и жить где мне угодно, не испрашивая ничьего предварительного разрешения. Но закон одно, а житейская практика другое. А потому приятно иметь двойную

гарантию того, что к тебе не станут приставать без толку и пихать тебя туда, куда ты вовсе не хочешь...»⁵⁹

Свой отъезд в Россию Лопатин готовил в глубокой тайне. Он писал Н. Ф. Русановой 23 мая/5 июня 1913 г.: «Адреса не даю, ибо не знаю, вернусь ли на старое место или устроюсь иначе»⁶⁰. В Париже Лопатин остановился у А. Д. Гнатовского и не был опознан агентурой, в донесениях которой он определялся как «неизвестный».

В Россию Лопатин выехал из Парижа вместе с братом Всеволодом, о чем свидетельствует сообщение от 10/23 июня 1913 г.: «Телеграммой от 10/23 июня 1913 года заведующий заграничной агентурой донес, что „Всеволод Александров Лопатин выехал 9-го июня вечером из Парижа с билетом третьего класса в С.-Петербург вместе с неизвестным лицом, совместно с коим имел постоянные сношения с Волховским, Натансоном, Рубановичем и всеми видными социалистами-революционерами и что этот неизвестный может быть родственником мужа или жены Гнатовских, укоих он — неизвестный — останавливался“»⁶¹.

Но уже на пограничной станции Лопатин был узнан. В шифрованной телеграмме из Вержболова от 12/25 июня сообщалось: «Сегодня, п(оездом) № 6 следуют (в) Петербург... Герман и брат его Всеволод Лопатины в сопровождении наблюдения»⁶². Затем шло донесение от 16 июня 1913 г. о том, что «13 июня из Вильны в С.-Петербург выехали в сопровождении наружного наблюдения два важных революционера, прибывшие из-за границы. Вследствие сего, 14 июня оба неизвестные по прибытии в С.-Петербург были взяты в наблюдение, коим проведены в дом № 5, по Пушкинской улице, где и поселились в меблированных комнатах. По установке наблюдаемые оказались: 1) виленским мещанином Германом Александровым ЛОПАТИНЫМ, 67 лет, предъявившим в прописку паспортную книжку Виленской мещанской управы от 21 сентября 1910 года за № 5063, и 2) коллежским асессором Всеволодом Александровым ЛОПАТИНЫМ, 65 лет, предъявившим заграничный паспорт, выданный киевским губернатором 10 мая 1913 года за № 4833.

Приметы Германа Лопатина — среднего роста, телосложения полного, волосы седые, большая седая борода, лицо круглое, полное, носит светлые пенсне; одет: черная „пушкинская“ шляпа, пиджак и брюки черные»⁶³.

19 июня 1913 г. Департамент полиции обратился к начальнику С.-Петербургского охранного отделения с требованием: «... за названными Германом и Всеволодом Лопатинскими установить неотступное наблюдение, о результатах которого уведомить. Имеющиеся в революционной деятельности Германа Лопатина сведения изложены в справке на него, входящей под № 33 ... Кроме этого о Германе Лопатине за последнее время известно следующее: находясь в постоянных сношениях с Владимиром Бурцевым и выдающимся членами партии социалистов-революционеров — Наталией Климовой⁶⁴, Евгением Колосовым, Амфитеатовым, Петром Рутенбергом, Лопатин принимает близкое участие в издаваемой Бурцевым газете „Будущее“, а также он состоит сотрудником нового журнала партии социалистов-революционеров „Мысль“⁶⁵. Ввиду данного в 1908 году Лопатину разрешения на выезд за границу, он помещен был в циркуляр Департамента от 26 марта 1909 г. за № 151020/369. С 21 октября 1912 года Лопатин не ограничен в правах избрании места жительства»⁶⁶.

В деле содержится «Список наружного наблюдения за братьями Всеволодом и Германом Александровыми Лопатинскими за время их проживания в С.-Петербурге с 14-го по 19-е сего июня».

Среди тех, кого посетил Лопатин в эти дни, — его сестра Любовь Александровна Мартынова, сын — Бруно Барт, подруга жены — Александра Адамовна Фаресова и др.⁶⁷ Лопатин заходил также в редакции журнала «Русское богатство» и газеты «День». В донесении начальника петербургской охранки 12 декабря 1914 г. указано, что «Лопатин Герман прописался в д. 19 Набережная реки Карповки (она же Литераторская)»⁶⁸.

20 июня 1913 г. Лопатин, как это следует из сообщения начальника отделения по охранению общественной безопасности, «прибыл на станцию Гомель... На вокзале Германа Лопатина встретила дочь частного поверенного Нина Николаевна

Кулябко-Корецкая, вместе с которой Лопатин поехал на лошадях в местечко Бельцы, в усадьбу Кулябко-Корецкого»⁶⁹.

Приведем также агентурное сообщение от 29 мая 1915 г. о посещении Лопатиным Е. П. Пешковой:

«... наблюдаемый Герман Александров Лопатин, кличка „Тамбовский“, 19 мая из Москвы выехал в Петроград (...) За время пребывания в Москве Лопатин (...) посетил известную Департаменту полиции жену писателя Екатерину Павловну ПЕШКОВУ, живущую в д. № 1 Грибова, кв. 16, по Машкову переулку»⁷⁰.

В деле Департамента полиции «О Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче» содержится еще один список тех, с кем встречался Лопатин в Петербурге с 3 августа 1913 г. по 19 февраля 1914 г.⁷¹ В списке — В. В. Водовозов, Н. С. Русанов, «доктор русской истории Василий Иванов Семевский» и др.⁷²

Семевский был председателем комитета по оказанию помощи освобожденным узникам Шлиссельбурга. Он привлек Лопатина к участию в журнале «Голос минувшего»⁷³, основателем и редактором которого был в последние годы жизни (1913—1916). В этом журнале появились воспоминания и статьи Лопатина о П. Л. Лаврове⁷⁴.

Семевский предполагал также напечатать в «Голосе минувшего» стихотворения Лопатина, написанные в Шлиссельбурге. «Теперь о стихах,— писал Лопатин С. П. Мельгунову 3 января 1917 г.— По просьбе В(асилия) И(вановича) я написал те стихи, которые я читал ему на память. Но когда он спросил моего согласия напечатать их в „Гол(осе) мин(увшего)“, я ответил, что сейчас сделать этого не могу. А вот когда я получу оставленный мною в Париже сборник моих шлющих стихотворений, представляющий нечто вроде *дневника* таковой жизни, то я выберу из него то, что считаю удобным для печати, проверю редакцию, выставлю даты, сделаю нужные примечания и передам все ему. При том же решении остаюсь я и сейчас, т. е. на опубликование оставшихся у В. И. моих стихотворений, без дат и примечаний, я не согласен»⁷⁵.

В журнале «Голос минувшего», посвященном «светлой памяти В. И. Семенова», был напечатан некролог «Памяти усопшего друга бывших заключенных шлиссельбургских узников», написанный Лопатиным⁷⁶. Некролог кроме Лопатина подписали И. Д. Лукашевич, Н. А. Морозов, М. В. Новорусский, В. С. Панкратов, М. Н. Тригона, В. Н. Фигнер и др.

В этом же номере среди других откликов, в разделе «Печать о В. И. Семеновском», было помещено слово о Семеновском Горького, который писал о нем как о «наставнике нескольких поколений русской интеллигенции».

14 января 1917 г. Горький, Лопатин, Фигнер, Короленко и другие подписали письмо в редакции газет и журналов об учреждении в память В. И. Семенова премии за исследования по истории русской общественной мысли и стипендии его имени на историко-филологическом факультете Петроградского университета⁷⁷.

В марте 1917 г. Горький, Лопатин, Фигнер и Засулич учредили «Общество памяти декабристов»⁷⁸. В уставе Общества говорилось: «„Общество памяти декабристов“ ставит себе целью:

А) Изучение движения декабристов, руководивших ими идей и ознакомление с ними народных масс.

В видах этого общество: а) издает „дела“, сочинения и мемуары декабристов; б) издает портреты, виды, рисунки и т. п., дающие представление об их жизни в России и Сибири и об их деятельности; в) организует Музей памяти декабристов; г) исследует различные проявления деятельности и влияния декабристов в Сибири и других местностях России; д) знакомит общество с данными о деятельности декабристов путем печати, лекций, бесед и пр.

Б) Увековечение памяти декабристов, для чего Общество:

а) организует всенародную подписку на издание сочинений и постановку памятника декабристам; б) организует конкурс по постановке памятника декабристам; в) организует постановку памятника на Сенатской площади в Петербурге; г) разыскивает и охраняет могилы декабристов»⁷⁹.

Горький и Лопатин принимали участие также в работе Просветительного общества в память 27 февраля 1917 г.— «Культура и свобода», в составе которого были Фигнер, Засулич, Плеханов. Горький был избран председателем организационного комитета общества⁸⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой в последнее десятилетие своей жизни: По записям в дневнике М. С. Сухотина / Публ. Л. Н. Кузиной // *ЛН*. Т. 69, кн. 2. С. 156; см. также: *Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого*. Тула, 1982. С. 280.

² Полный текст надписи: «Ф. Фидлеру от Воскресшего Лазаря. Герман Лопатин. 4/17 XI 1913. СПб., Карповка, 17». На фотографии помета Лопатина: «Spezia. 1910» (*ИРЛИ*, Музей). См. в наст. томе.

³ Всеволод Александрович Лопатин (1848 — после 1917) — народоволец. Был арестован при попытке освободить из тюрьмы Ф. В. Волховского. Судился по «Процессу 193-х», был приговорен к ссылке. В 1900-х годах проживал в Вильно, где служил на железной дороге.

⁴ Дело Департамента полиции о Германе (Генрихе) Лопатине и Иосифе Лукашевиче. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 1—2.

⁵ Донесение начальника Виленского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 19 сентября 1906 г. «...Состоящий под негласным наблюдением государственный преступник Герман Александров Лопатин 6-го сего сентября выехал из города Вильны в город Одессу на лиман» (Там же. Л. 8).

⁶ Наталья Федоровна Русанова — жена друга Лопатина — литератора Н. С. Русанова. Возможно, именно Н. Ф. Русановой была подарена Лопатиным фотография с надписью: «Время без удержу катится, дни пролетают за днями, старят нас с каждым мгновением безмолвно бегущие годы... 23 февр. 1907. Вильно» (*ГБЛ*, ф. 218, 1302, 12).

⁷ В Вильно Лопатин вернулся 7 декабря 1906 г. См.: *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 17.

⁸ *ГБЛ*, ф. 218, 1302, 7, л. 2 об.

⁹ Там же, ф. 358, 249, 5, л. 2.

¹⁰ Там же, ф. 135/II, 28, 65, л. 6 об.

¹¹ Там же, л. 8.

¹² Там же, ф. 218, 1302, 7, л. 3—3 об.

¹³ См. вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

¹⁴ *ГБЛ*, ф. 135/II, 28, 65, л. 9.

¹⁵ Там же, ф. 218, 1302, 7, л. 1.

¹⁶ Там же, ф. 135/II, 28, 65, л. 10 об.

¹⁷ *ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1908, д. 9, т. 1 (продолжение 2), л. 133—135 об., 137.

¹⁸ ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 41, 41 об., 43—46 об. К. Бочаров и Ю. Глушакова в очерке «Каприйские встречи» сообщают о том, что в Центральном гос. архиве Италии хранится описание всего революционного прошлого этого человека вплоть до выхода из Шлиссельбургской крепости в 1905 году. Досье было подготовлено в Петербурге итальянским посольством по материалам царской охраны» (Юность. 1984. № 4).

¹⁹ См.: А—Г, п. от конца мая — начала июня 1909 г., прим. 4.

²⁰ Дело Департамента полиции «О литераторе Александре Валентинове Амфитеатрове» (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 21—21 об.).

²¹ Инспектор секретной полиции, организатор политической провокации, подполковник Судейкин был убит 16 декабря 1883 г. Н. П. Стародворским и В. П. Кошачевым.

²² В некоторых документах Департамента полиции указывается другая дата отъезда Лопатина из России. Так, в сообщении от 19 июля 1908 г. в Особый отдел Департамента полиции говорится: «...ссылнооселенец Герман Александров Лопатин 27 минувшего июня выбыл за границу с паспортом, выданным из канцелярии с.-петербургского градоначальника 3 июня за № 7064» (*ЦГАОР*, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 33).

²³ Там же, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 41—41 об.

²⁴ Там же, ДП, ОО, 1909, д. 9, т. 1, л. 404—404 об.

²⁵ Имеется в виду организация Лопатиным и Волховским так называемого «Рублевого общества».

²⁶ Михаил Федорович Негрескул (1843—1871) — муж дочери Лаврова. Имеется в виду п. Лопатина М. Ф. Негрескулу от 15—17 сентября 1869 г., в котором он изложил план своего предполагавшегося побега из Ставрополя. См.: *Лопатин*. С. 44—55; см. также в наст. тома (В Ставрополе).

²⁷ О попытке освобождения Н. Г. Чернышевского см. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого», прим. 3.

Интересно свидетельство Лопатина, содержащееся в его п. Короленко из Петербурга от 17 мая 1908 г.: «Ч(ернышевского) вывели в В(илийск) без кандалов (я звал Зейферта, отвезшего его туда): В В(илийске) при нем жил только один жандарм, сменявшийся ежегодно; но было несколько (может быть, именно трое) якутских казаков. Это я знаю наверное» (Советские архивы. 1972. № 3. С. 96).

²⁸ См. в наст. томе «Из Дневника Пятницкого».

²⁹ Так в подлиннике. Зинаида Степановна *Корали* (1854 или 1855—1919) — жена Лопатина, мать Б. Г. Барт-Лопатина. По первому (фиктивному) браку — Апсептова. Разошлась с Лопатиным в начале 80-х годов. См. о ней подробнее: *Лопатина Е. Б., Давыдов Ю. В.* Штрихи к портрету Германа Александровича Лопатина // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 71.

³⁰ Манифестом 15 мая 1883 г. разрешалась подача прошений об облегчении участи состоящих под следствием и судом в течение шести месяцев со дня объявления манифеста.

³¹ См.: Из Дневника Пятницкого, прим. 19.

³² Лев Александрович *Тихомиров* (1852—1923) — член партии «Земля и воля». С 1879 г. — член Исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1882 г. эмигрировал, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник Народной воли». В 1888 г. в Париже издал брошюру «Почему я перестал быть революционером», в которой отрекался от революционной деятельности. По возвращении в Россию в 1889 г. стал видным монархическим публицистом.

³³ Алексей Николаевич *Бах* (1857—1946) — революционер-народоволец, с 1885 по 1917 г. — в эмиграции. После Октябрьской революции — крупнейший ученый биохимик, академик АН СССР. Лопатину принадлежит статья «По поводу „Воспоминаний народовольца“ А. Н. Баха» (Былое. 1907. № 4; см. также: *Лопатин*. С. 154—156).

³⁴ «Народная воля» — революционная народническая организация, возникшая в 1879 г. Программа: уничтожение самодержавия, демократические свободы, передача земли крестьянам. После убийства народовольцами Александра II (1 марта 1881 г.) и последовавших за этим репрессий переживала идейный и организационный кризис. См. также: Из Дневника Пятницкого, прим. 26.

³⁵ Здесь и далее упоминаются члены «Народной воли», привлекавшиеся по «Процессу 21-го», — Неонила Салова, Василий Сухомлин, Сергей Иванов, Иван Гейер, Леонтий Ешин, Андрей Белоусов и его брат Семен Белоусов, Генриетта Добрускина.

³⁶ «Народная воля. Социально-революционное обозрение» — нелегальная газета организации «Народная воля». Выходила в 1879—1885 гг. (12 номеров). В редакцию газеты в разное время входили Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, В. С. Лебедев, Г. А. Лопатин, В. Г. Богораз-Тан, П. Ф. Якубович и др. Лопатин и П. Ф. Якубович были редакторами № 10 «Народной воли» за 1884 г.

³⁷ Петр Архипович *Ковалев* (р. около 1862—?) в 1883—1884 гг. был членом народовольческого кружка студентов Петровской академии и участником «Общественного союза». Познакомился с Лопатиным весной 1884 г. Получил от него предложение совершить покушение на Н. В. Муравьева от имени Исполнительного комитета «Народной воли». В. И. Сухомлин в статье «Процесс двадцати одного» сообщал, что «агентурные сведения о подготовляемом покушении на жизнь Муравьева» были получены жандармским управлением еще до ареста Лопатина «со стороны арестованного студента Петра Ковалева» («Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 53).

³⁸ В ст. «По поводу „Воспоминаний народовольца“ А. Н. Баха» Лопатин писал: «„Симпатичный“ Росси, так „правившийся“ автору, вскоре после своего ареста „вернул кафтан“ и дал обстоятельнейшие, предательские показания относительно всех лиц, прикосновенных к убийству Судейкина (в том числе и обо мне)» (Былое. 1907. № 4. С. 298). См. также: *Лопатин*. С. 154.

³⁹ Раиса *Кранифельд* — курсистка, народоволка. Работала в типографиях, была хозяйкой конспиративной квартиры. Арестована в Ростове.

⁴⁰ В «Народной воле» (1884, № 10) были напечатаны (без подписи) ст. Лопатина «Вместо внутреннего обозрения», «Ошибки революционера и преступления предателя». Подробнее см.: *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 134—137.

⁴¹ Число не проставлено. См.: ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1904, д. 879, л. 43—46 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, 1909 г., д. 9, т. 1 (продолжение), л. 522.

⁴⁴ Там же, л. 546. См. сообщение Е. Г. Коляды.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1909, д. 9, т. 1 (продолжение), л. 404—404 об.

⁴⁶ Содержится в деле Департамента полиции «„О возникшем в Париже комитете по организации денежной помощи отбывающим в тюрьмах Европейской России и Сибири каторгу политическим арестантам“. Начато 1910» (ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1910, д. 258, л. 32—33). В АГ — машинописная копия.

⁴⁷ В подлиннике ошибочно указан 1909 г. Комитет был организован В. Н. Фигнер в январе 1910 г. См. о нем в воспоминаниях Фигнер «После Шлиссельбурга» (Фигнер. Т. 3).

⁴⁸ Фигнер писала в своих воспоминаниях: «Мы пригласили... эмигранта Д. Аитова... и М. Гольдсмита, которую я знала еще ребенком» (Там же. С. 382—383).

Давид Александрович Аитов (около 1852 — ?) — революционер-народник. Судился по «Процессу 193-х», был выслан в Оренбург. В 1879 г. скрылся и эмигрировал за границу. С 1881 г. жил в Париже. Аитов оставался казначеем Парижского комитета вплоть до прекращения его работы в феврале 1917 г.

Михаил Николаевич Тригопи (1850—1917) — член Исполнительного комитета «Народной воли», основатель народовольческой организации в Одессе, участник подготовки царевубийства 1 марта 1881 г.

⁴⁹ В уставе Комитета помощи каторжанам говорилось: «Комитет избрал для оказания помощи не административно-ссылных, не ссыльнопоселенцев и не заключенных вообще, но лишь одну категорию их — каторжан (...) Комитет стремится к тому, чтобы и в других городах Европы, где есть русские, образовались группы с тою же целью и на тех же основах. Такие комитеты, объединенные с Парижем, образовались весной в Брюсселе и Антверпене, а в декабре — в Женеве и Лозанне (...) С целью воздействовать на общественное мнение Парижский комитет выпустил 2 тысячи воззваний на французском языке (см. ниже) и 2½ тысячи брошюр: „Les prisons russes“ („Русские тюрьмы“)» (Комитет помощи каторжанам. Париж, 1910. С. 1. См. также: Фигнер. Т. 3. С. 459—460).

⁵⁰ К донесению приложено воззвание «Appel du Comité de Secours aux Prisonniers politiques Russes condamnés aux Travaux forcés» («Воззвание Комитета помощи политическим каторжанам в России»). Дата и подпись под воззванием: «Paris, le 31 janvier 1910. Pour le Comité Vera Figner» («Париж, 31 января 1910. За комитет — Вера Фигнер») (ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1910, д. 258, л. 32—35 об., 152—153). См. также: Фигнер Вера. Воззвание Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России // Фигнер. Т. 3. С. 455—458.

⁵¹ О денежных поступлениях, посылаемых в фонд Парижского комитета помощи политическим каторжанам в России, сообщалось в специальных отчетах Комитета за 1910, 1911, 1912 гг., выпускаемых В. Н. Фигнер. В этих отчетах имя Горького не указано, но нужно иметь в виду, что имя жертвователя в этих отчетах часто скрывалось под псевдонимом.

В текст к денежному отчету за 1912 г. Фигнер включила выдержки из ст. Горького «В пространство», написанной по поводу событий в Кутомарской тюрьме с преданием: «Нап знаменитый писатель, Максим Горький, поместил на страницах „L'Avenir“ статью, исполненную силы, скорби и вместе с тем призыва» (Фигнер. Т. 3. С. 481—482).

⁵² ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1911, д. 9, ч. 1, л. И.

⁵³ Там же, д. 9, 1909, т. 1 (продолжение), л. 403—404 об., 405, 433; там же, оп. 265, д. 731.

⁵⁴ Там же, 1906, д. 196, л. 40—40 об. Начальник Тифлисского губернского жандармского управления докладывал 26 октября 1910 г. директору Департамента полиции: «...личность „Веры“... выяснить до сего времени не представилось возможным» (Там же, л. 46—46 об.). Письмо было написано сестрой Лопатина — Верой Александровной.

⁵⁵ В том же докладе начальника Тифлисского губернского жандармского управления говорилось: «Что же касается до упомянутого в означенном письме „Ив. С. Дагарбодари“, то таковой может быть известным Департаменту полиции дворянином Тифлиской губернии, присяжным поверенным Иваном Спиридоновичем Джабадари, проживающим в гор. Тифлисе, в доме № 4/6, кв. 3 по Гановской улице, привлекавшимся в 1875 и 1877 годах за государственные преступления к дозняниям, за каковые преступления приговором Особого присутствия правительствующего сената Джабадари осужден был на каторжные работы на 5 лет» (Там же).

⁵⁶ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 44—45.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Речь идет об ожидавшейся амнистии в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. 21 февраля 1913 г. была объявлена амнистия лицам, привлекавшимся по статьям 128, 129 и 132 Уголовного уложения за преступные деяния, учиненные посредством печати (Правительственный вестник. 1913. № 43. 22 февр.).

⁵⁹ ГБЛ, ф. 218, 1302, 7, л. 10 об. — 11.

⁶⁰ Там же, л. 12.

⁶¹ ЦГАОР, ф. ДП, 1913, д. 9, ч. 57, л. В, л. 17. См. также вступ. ст. Н. И. Дикупиной.

⁶² Там же, л. 18.

⁶³ Там же, л. 22—22 об.

⁶⁴ Наталья Сергеевна Климова — судилась по делу о взрыве на даче Столыпина. Была присуждена к смертной казни, замененной каторгой. В 1909 г. бежала из тюрьмы.

⁶⁵ О каком журнале идет речь — неизвестно.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1913, д. 9, ч. 57, л. В, л. 24—24 об., 25.

⁶⁷ Там же, л. 28—32 об.

⁶⁸ Там же, 1906, д. 196, л. 99. Указывается адрес петербургского Дома литераторов, в котором поселился Лопатин.

⁶⁹ Там же, л. 28. Возможно, Николай Иванович Кулябко-Корецкий (1855—1924) — общественный деятель. По своим взглядам был близок к народникам. В 1910—1915 гг. — издатель и редактор газет в Ставрополе, Гомеле и Петербурге. После Октябрьской революции читал лекции по истории революционного движения.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1906, д. 196, л. 102.

⁷¹ Там же, л. 64—71 об.

⁷² Василий Иванович Семевский (1848—1916) — русский историк, представитель народнического направления в русской историографии.

⁷³ «Голос минувшего» — исторический и историко-литературный журнал. Издавался в Москве в 1913—1923 гг. Наибольшее внимание в журнале уделялось общественному и революционному движению русской интеллигенции.

⁷⁴ См.: П. Л. Лавров в воспоминаниях современников: П. Из рассказов Г. А. Лопатина // Голос минувшего. 1915. № 9; К рассказам о П. Л. Лаврове // Там же. 1916. № 4.

⁷⁵ См. Мельгунов С. П. Встречи. I. Г. А. Лопатин // Голос минувшего. 1920—1921. С. 94—97. Выдержки из письма опубликованы с неточной датой — 1 января 1917 г.

Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) — историк и публицист, руководящий деятель партии народных социалистов. Один из редакторов журн. «Голос минувшего» в 1913—1923 гг. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1923 г. эмигрировал. В 1926 г. в Париже участвовал в издании эмигрантского журнала под названием «Голос минувшего на чужой стороне».

⁷⁶ Голос минувшего. 1916. № 10.

⁷⁷ День. 1917. № 14. 14 янв. Письмо было также опубликовано в № 1 журн. «Летопись» за 1917 г.

⁷⁸ Учредительное собрание общества состоялось 10 марта 1917 г. См.: ЛЖТ. Вып. 3. С. 20.

⁷⁹ Устав Общества памяти декабристов. Пг., 1917. Тип. Н. Г. Мазур. С. 3—4.

⁸⁰ ЛЖТ. Вып. 3. С. 8.